

Шумейко М. Ф. Архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты (к 130-летию со дня рождения). М. Ф. Шумейко // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 233-248

М. Ф. Шумейко

АРХИВНО-АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ПИЧЕТЫ (к 130-летию со дня рождения)

Имя выдающегося историка-слависта, организатора и первого ректора Белорусского государственного университета академика В. И. Пичеты (1878—1947) широко известно в мире. Это обусловлено тем вкладом, который он внес в мировую сокровищницу культуры; этому же способствует значительное количество литературы, посвященной различным аспектам его многогранной научной и организаторской деятельности. Последняя имеет как научный, так и популярный, а также справочный характер; опубликован ряд работ самого ученого, носящих характер экспертных заключений [1]. Нельзя сказать, что совершенно обойдена вниманием архивно-археографическая сфера деятельности В. И. Пичеты, бывшего, как известно, одним из руководителей созданного в июне 1918 г. Главного управления архивного дела Наркомпроса РСФСР, а также являвшегося экспертом по архивам в смешанной российско-украинской комиссии по реализации Рижского мирного договора 1921 г. и сделавшего очень много как в плане проведения реформы архивного дела в России, Беларуси в 1920-е гг., так и в деле отстаивания интересов архивов этих стран на международной арене [2]. Однако в работах этой тематики белорусских и российских авторов (историков и архивистов) основное внимание обращается на организационные аспекты деятельности Пичеты и почти ничего не говорится о нем как ученом-архивоведе, археографе, сыгравшем, как и С. Б. Веселовский, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. В. Тарле, «немалую роль в разработке архивной теории»¹. Восполнить данный пробел и призвана настоящая статья, опирающаяся как на работы предшественников, так и учитывающая ранее недоступные или малоизвестные источники, свидетельствующие об архивно-археографической деятельности ученого².

Говоря о Пичете-архивисте, согласимся с мнением профессора Московского историко-архивного института Т. И. Хорхординой, опиравшейся на нашу публикацию [3]. Она писала: «Картина формирования классической науки об архивах была бы неполной, если бы мы не

¹ На это обстоятельство указывал, выступая с докладом «Развитие советского архивоведения за 25 лет» на юбилейной конференции историков-архивистов СССР в июне 1943 г., доцент Московского историко-архивного института К. Г. Митяев (см.: Цаплин, В. В. Конференция историков-архивистов СССР 1—3 июня 1943 г. / В. В. Цаплин // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 49).

² В числе последних — находящиеся в архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. материалы архивного уголовного дела на арестованного в сентябре 1930 г. ученого (за возможность познакомиться с их копиями приношу благодарность профессору БГУ О. А. Яновскому), хранящиеся в Госархиве Российской Федерации документы о работе В. И. Пичеты в Главном управлении архивного дела России (выражаю признательность преподавателю кафедры источниковедения истфака БГУ Т. Д. Гернович, предоставившей их копии в распоряжение автора).

Шумейко Михаил Федорович — доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

привели здесь краткую характеристику жизни и научной деятельности менее известных сегодня инспекторов, для которых попытка реально сочетать принципы классической теории архивов с практикой архивной работы самым драматическим образом повлияла на личную судьбу. Одним из первых в этом списке должен быть назван Владимир Иванович Пичета..., в конце жизни признанный историк-славист, академик АН СССР и действительный член АН БССР. Но начинал он как профессиональный архивный деятель» [4].

Действительно, работа Пичеты в качестве штатного сотрудника архивной службы началась вскоре после учреждения органа по ее руководству в соответствии с известным декретом правительства Советской России от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» (хотя первое знакомство тогда еще начинающего ученого с архивами состоялось в 1900 г. в бытность его сотрудничества с Екатеринославской ученой архивной комиссией). Его приход в Главное управление архивного дела (вначале — в качестве простого инспектора, затем главного, позже — руководителя ведущего отдела — научно-теоретического) летом 1918 г., когда, по его словам, «Деникин был около Тулы и его ждали в Москву, когда мне давали совет не скомпрометировать себя для будущего», должен рассматриваться в ряду аналогичных действий других выдающихся представителей российской гуманитарной интеллигенции (академиков-историков А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского), отнюдь не разделявших взгляды пришедших в октябре 1917 г. к власти большевиков, но тем не менее озабоченных судьбами брошенного по существу на произвол судьбы огромного архивного наследия и без колебаний включившихся в работу по его спасению и сохранению. И совершенно не случайно, выступая в мае 1924 г. на I Всебелорусской конференции архивных работников с докладом о деятельности Центрархива РСФСР, В. И. Пичета счел необходимым не только упомянуть о деятельности созданного по инициативе А. С. Лаппо-Данилевского еще в марте 1917 г. Союза российских архивных деятелей (Пичета называл его «кружком архивистов под руководством Лаппо-Данилевского»), внесшего огромный вклад в дело спасения архивов и заложившего организационные и методические предпосылки для реорганизации и централизации архивного дела в России, Беларуси, Украине [5], но и подчеркнул, что «если бы не героизм этих лиц — членов кружка, то множество архивов центральных учреждений России безвозвратно [бы] погибли»³.

Принимая и разделяя идею централизации архивного дела, В. И. Пичета делал все, от него зависящее, чтобы она была реализована как можно скорее. Об этом свидетельствует его участие в состоявшемся в мае 1919 г. съезде уполномоченных Главархива и особенно — I Всероссийской конференции архивных деятелей, проходившей в Москве 29—30 сентября 1921 г. Здесь ученый, как заведующий научно-теоретическим отделом, выступал с основным докладом, в котором познакомил участников с деятельностью Главархива за весь период его существования. Он отметил также огромную роль в деле централизации архивного дела в России, которую сыграл декрет Правительства РСФСР от 1 июня 1918 г., ликвидировавший ведомственную систему организации и хранения архивных материалов, создавший специальный орган по управлению архивной отраслью, которая создавалась как самостоятельная и включала в себя сеть центральных и региональных архивов.

Вторая проблема, на которую в своем докладе обратил внимание ученый, выступая на конференции российских архивистов и о которой он будет говорить через три года на аналогичной белорусской конференции, касалась подготовки квалифицированных кадров архиви-

³ Кстати говоря, данная крайне позитивная оценка В. И. Пичетой «кружка Лаппо-Данилевского», явно диссонировавшая со взглядами официальных лиц, стоявших у

руководства архивной службы России, по поводу данного общественного объединения российских архивистов, говорит о многом в пользу ученого

⁴ Так, для 3-го выпуска, который был приурочен к 5-летию принятия декрета СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» (не был издан вследствие того, что коллегия Центрархива отменила празднование пятилетия архивной реформы) В. И. Пичетой были подготовлены статьи «История учреждений ЕГАФ за 5 лет» и «Минские архивы» (см.: [8, с. 150]).

стов: «Создание архивно-археографического института и краткосрочных курсов при нем является неотложным делом, которым в настоящее время занят научно-теоретический отдел».

И наконец, создание научно-практического периодического издания, которое должно было, по мнению докладчика, не только объединять корпорацию архивистов, но и стимулировать развитие научной архивоведческой мысли, способствовать распространению и внедрению новейших методов (отечественных и зарубежных) в практику архивной работы и т. п. «Создание журнала для разработки научно-архивных вопросов, оживление издательской деятельности Главархива совместно с губархивами, — подчеркивал В. И. Пичета, — будет способствовать подготовке живой силы по укреплению связи центра с массами» [6, с. 109].

К такому выводу ученый пришел в ходе активного участия в деле создания предшественника архивоведческого периодического издания (каким станет начавший выходить с 1923 г. журнал «Архивное дело») — журнала «Исторический архив». Дело в том, что в октябре 1919 г. в Петрограде, где до ноября 1918 г. находилось Главное управление архивным делом, увидел свет первый номер журнала «Исторический архив», издаваемого, как значилось на его обложке и титуле, ГУАД. В октябре 1918 г. В. И. Пичете было поручено написать для журнала отчет о состоянии провинциальных архивов. Сведения отчета вошли в публикуемую в «Историческом архиве» обширную статью «Летопись архивной жизни», написанную, как установил современный российский историк-архивист, Н. П. Черепниным [7, с. 109]. Что же касается дальнейшей судьбы журнала, то его издание не получило продолжения вследствие того, что его содержание, представлявшее в основном публикации не имевших отношения к архивоведению и архивному делу статей историков, вызвало критику со стороны ГУАД, которое приняло решение ликвидировать издание в Петрограде и перенести его в Москву.

В. И. Пичета, наряду с Г. В. Сергеевским и А. Ф. Изюмовым, принял участие в совещании по вопросу дальнейшего издания журнала, которое состоялось в конце ноября 1919 г. в Москве. Разработанный и принятый на нем проект программы обновленного издания хотя и сохранял некоторые черты общеисторического журнала, тем не менее уже в значительно большей степени отвечал не только архивоведческому профилю, но и требованиям времени.

На совещании ответственных работников ГУАД по издательским вопросам, состоявшемся 14 августа 1921 г. и принявшем постановление о прекращении издания «Исторического архива», было также решено издавать научно-теоретический и исторический журнал Главархива под названием «Архивное дело» [8, с. 140]. Для его первого выпуска В. И. Пичете поручалось подготовить статью «Об архивных фондах в провинции». Впоследствии им были написаны для отделов хроники первого выпуска обзорная статья «Первая Всероссийская конференция архивных деятелей», библиографии-рецензии на «Описание дел архива Министерства народного просвещения» (Пг., 1917. Т 1), «Описание дел бывшего архива Министерства народного просвещения. Казенные еврейские училища» (Пг., 1920. Т. 1), «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Книги Литовской метрики VII—XXVIII»

(М., 1916. Кн. 21) и др. В. И. Пичета был членом редакционно-издательской коллегии первого и второго выпусков журнала, сохраняя и впоследствии связь с ним ⁴.

Важнейшим, но, к сожалению, до сих пор мало исследованным направлением архивно-архивоведческой деятельности ученого стало его участие в качестве эксперта в работе смешанной российско-украинской комиссии по реализации условий Рижского мирного договора в части, касающейся распределения архивов. Как известно, подготовка текста договора между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей с другой в двух созданных комиссиях

шла трудно и только через пять месяцев после начала их работы состоялось подписание Рижского договора 18 марта 1921 г. [9, с. 629—632, 644—646]. Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ) черновые протоколы заседаний комиссии, докладные записки, переписка и др. документы позволяют проследить в датах и лицах события более чем 80-летней давности, выяснить роль В. И. Пичеты, которую он играл в них.

Польская сторона, используя сложную ситуацию, сложившуюся в России, в ходе переговоров все более ужесточала свои условия. Приехавшая в Москву польская делегация требовала возвратить ей все научные и культурные ценности, вывезенные с ее территории с 1 января 1772 г., т. е. со времени первого раздела Речи Посполитой. И, как отмечает современный российский историк-архивист, Наркомат по иностранным делам РСФСР в лице руководителя экономико-правового отдела Бродского был склонен удовлетворить польские аппетиты [10, с. 164]. Оппонентами сотрудников Наркомата были специалисты ГУАД, в том числе и В. И. Пичета. Последний совместно с В. Н. Стороженко и В. В. Максаковым входил в особую комиссию по выработке соглашения. Он, как и его коллега и лучший знаток российско-польских отношений академик М. К. Любавский, делал все от него зависящее, дабы смягчить представленные в начале января 1921 г. польской стороной положения проекта «архивной» (XII статьи договора). Впоследствии это дало ему основание утверждать, что своей активной позицией отстаивания интересов российско-украинско-белорусских архивов он «оправдал доверие со стороны советской власти» [11, с. 325].

Обратимся к документам, подтверждающим это. Из докладной записки В. И. Пичеты от 1 марта 1921 г., направленной им руководству Главного управления архивным делом, явствует, что он по поручению этого ведомства участвовал в работе организованного экономико-правовым отделом Народного комиссариата по иностранным делам России совещания по вопросу об эвакуированном из Польши имуществе и архивах. Вел совещание руководитель отдела Бродский, который, по мнению Пичеты, совершенно игнорировал интересы российско-украинской стороны в части, касающейся архивов. На чем основывал такой вывод? Прочитав фрагмент его записки: «Последним было указано, что ввиду возможности заключения в ближайшее время мира с Польшей и приезда в Москву Согласительной комиссии необходимо собрать все материалы для успешной работы последней. Поэтому т. Бродский предлагал просить Главное управление архивным делом в кратчайший срок собрать и представить в Управление следующие сведения: 1) о вывезенных из Польши архивах; 2) об архивах центральных учреждений, поскольку в них речь идет о Польше. Т. Бродский подчеркнул особенно необходимость сведений последнего характера, так как эти архивы, может быть, придется передать полякам. Во время своей речи Бродский все время подчеркивал, что он стоит на советской платформе и защищает интересы РСФСР. Я вынес иное впечатление и увидел в тов. Бродском одностороннего защитника польских интересов» [12, л. 26].

Далее из записки В. И. Пичеты следовало, что представитель внешнеполитического ведомства России, предопределяя возможность подписания невыгодного для России и

Украины мирного договора с Польшей, настаивал на необходимости преждевременного, с точки зрения автора записки, собирания Главархивом сведений о вывезенных в свое время с территории Польши архивов. Пичета возражал против этого, равно как и против расширительного толкования Бродским территории Польши: «...к которой я отнюдь не отношу Вел. княж. Литовского, связанного с Коронай унитарными отношениями» [12, л. 27]. В данном случае представитель Главархива России действительно проявил себя не только как защитник интересов ее (равно как и Беларуси и Украины) архивов, но и как ученый-историк.

И далее, в ходе продолжавшихся аналогичных совещаний с участием В. И. Пичеты последний продолжал отстаивать свою позицию. Рядом замечаний на польский проект реституции он пытался найти золотую середину. В первом параграфе он предложил вставить слова «в ее нынешних границах»; в следующем абзаце — что и польское правительство обязуется

⁵ Заметим, что еще более жесткую, нежели у В. И. Пичеты, позицию относительно возможности передачи Польше архивов, занимал его учитель и коллега профессор М. К. Любавский, считавший, что «Архивы и дела русских учреждений, начатые на территории нынешней Польской республики, по особым соглашениям могут быть переданы польскому правительству в тех случаях, когда они касаются исключительно этой территории, не имеют политического значения и легко могут быть отделены от делопроизводства русских учреждений. Русскому правительству могут быть переданы в собственность архивы и дела, начатые в Польше и касающиеся исключительно положения русских людей в крае. Все вообще вопросы, связанные с этой передачей, рассматриваются в согласительных комиссиях при участии экспертов-специалистов» [12, л. 18]. В составленной ученым конфиденциальной записке «О положении русской исторической науки ввиду выделения архивов Польше», Любавский оттенял и политическую сторону последствий передачи Польше некоторых архивных собраний, в частности Литовской метрики. Он писал: «захватывая к себе Литовскую метрику, Польша направляет на свою сторону научную ориентацию Белоруссии, что едва ли желательно в интересах России» (Цит. по: *Старостин, Е. В.* Выдающийся архивист XX столетия М. К. Любавский / М. К. Любавский // Труды Историко-архивного института. М. : Рос. ГГУ, 2007. С. 39—40).

⁶ Здесь мы имеем в виду служебную записку председателя Совнаркома Беларуси А. Г. Червякова, 31 мая 1921 г. направленную в Главархив РСФСР, в которой говорилось буквально следующее: «Совет Народных Комиссаров Белоруссии настоящим заявляет, что литовская метрика как собрание документов, в своей значительной части относящихся к Белоруссии, подлежит выдаче только Белоруссии, а потому СНК Белоруссии просит Главархив о невыдаче этих документов правительству иного государства, кроме Белоруссии» [12, д. 292. л. 19].

⁷ Любопытно отметить, что в этот же день В. И. Пичета выступал с докладом о творчестве Янки Купалы на чествовании поэта, о чем свидетельствовал один из участников чествования, ставший впоследствии известным историком, Н. Н. Улащик. См.: «Ученик об учителе»: Историк Н. Н. Улащик об академике В. И. Пичете. 1984 г. (Публикация конспекта доклада Н. Н. Улащика «В. И. Пичета», оставшегося неп прочитанным на пичетовских чтениях в БГУ в 1984 г.] // Исторический архив (Москва). 2004. № 6. С. 122—126).

со своей стороны «возвратить России и Украине таковые же предметы, вывезенные с 1 января 1772 г.» и что, конечно, «немыслимо передавать польскому правительству архивы,

дела и документы, возникшие с 1 января 1772 г. на территории нынешней России, хотя бы они касались территории Польской республики в ее нынешних пределах» [10, с. 164]. Можно, таким образом, утверждать, что участие В. И. Пичеты в качестве эксперта по подготовке Рижского мирного договора, сыграло позитивную роль в деле смягчения крайне неблагоприятно сформулированной его XI статьи, касающейся архивов⁵.

Дальнейшая после подписания договора деятельность Пичеты распространялась на отстаивание интересов белорусских архивов, а также архивных собраний, связанных своим происхождением с рядом государств. Важнейшим среди последних являлась Литовская метрика, стоявшая после Коронного архива второй во главе требований на передачу со стороны Польши [13, с. 55]. Именно требование Польши ее выдачи вызвало особые разногласия и обусловило организацию акций по ее оставлению в Москве, где Метрика находилась с 1887 г. Эти акции предпринимались как по линии правительства Беларуси⁶, так и по инициативе научных, архивных, культурно-просветительских учреждений, высших учебных заведений республики. Так, выступая 18 марта 1922 г. на заседании Совета БГУ с докладом «О возврате Польше культурных ценностей, вывезенных из ее пределов в ХЛП в. (с 1 янв. 1772 г.)»⁷ ректор университета познакомил своих коллег с жесткой позицией польской стороны, настаивающей на возврате ей в числе прочих архивно-библиотечных собраний и Литовской и Коронной метрик, «так необходимых для изучения Белорусской и Украинской республик». «Теперь, — продолжал далее докладчик, — когда вопрос о возврате Польше всех культурных ценностей принял особо острую форму, желательно по этому поводу услышать голос Белорусского государственного университета, призванного содействовать возрождению белорусской культуры» [14, л. 4].

⁸ О работе этой конференции В. И. Пичета проинформировал архивную общественность России, поместив статью о ней во 2-м вып. журнала «Архивное дело» за 1925 г. С. 144

По докладу В. И. Пичеты была принята резолюция, в которой отмечалось: «Совет Белорусского государственного университета, осведомившись о заявленных притязаниях представителей польского правительства в Российско-Украинской смешанной комиссии по реализации XI ст. Рижского договора на выдачу культурных ценностей, вывезенных с территории Польши с 1 января 1772 г., и признавая по существу, что национальные интересы польского народа, пострадавшего от совершенного над ним в XVIII в. насилия, должны быть удовлетворены, одновременно с этим единогласно протестует против домогательств представителей польского правительства на выдачу таких культурных ценностей, которые, хотя и были вывезены из Польши, но в настоящее время являются достоянием всемирной культуры (п. 7 ст. XI Рижского договора) или по своему составу и языку представляют основные источники и памятники не польского происхождения и имеют ближайшее отношение к истории [и] культуре белорусского и других народов, ныне в своей значительной части не входящих в состав Польского государства» [14, л. 4]. Впоследствии сам Пичета так оценивал свою деятельность по защите Литовской метрики: «Я лично сражался с поляками на фронте Литовской метрики. Советское правительство Белоруссии мне поручило отстаивать Литовскую метрику и не отдавать ее полякам... В данном случае я исполнял только поручение советского правительства Белоруссии... В настоящее время этот архив, имеющий важное значение, находится на территории РСФСР» [15, л. 152].

Продолжение разговора о судьбе Литовской метрики (и более широко — об истории белорусских архивов, теоретических и методических вопросах архивоведения) и участия в ее решении В. И. Пичеты состоялось в мае 1924 г., в ходе работы Первой всебелорусской конференции архивных работников⁸. В. И. Пичета выступал на ней в

качестве представителя Центрархива России (именно его коллегия Центрархива РСФСР своей телеграммой от 9 мая 1924 г., подписанной заместителем М. Н. Покровского — В. В. Адоратским, уполномочила представлять российское архивное руководство и выступить с докладом [16, л. 14]), а также ректора Белгосуниверситета. Всего им было сделано пять (!) докладов, не считая выступлений в прениях. Это: «Деятельность Центрархива РСФСР»; «Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на состояние белорусских архивов»; «Пересмотр архивного законодательства БССР»; «Подготовка архивных работников»; «Разборка архивов. Разборочные комиссии и уничтожение архивных материалов». Одни только названия докладов могут сказать о многом специалистам-архивистам. Все они затрагивали широчайший спектр вопросов, существовавших в архивном деле как сфере практической деятельности (реформирование архивного дела на принципах, сформулированных в декрете СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела»; проблема архивных кадров) и архивоведении как науке (международное архивное право; внутреннее архивное законодательство; проблемы экспертизы ценности архивных документов) и требовали от докладчика глубоких познаний в области науки об архивах и большого практического опыта в сфере применения этих знаний. Анализ содержания докладов и выступлений Пичеты на конференции свидетельствует о том, что он обладал и тем и другим⁹.

Если первый доклад Пичеты носил преимущественно обзорно-информационный характер (правда, и в нем докладчик сумел выделить источниковедческие сюжеты¹⁰), то его второе выступление целиком было посвящено архивной реституции — проблеме, которая до сих пор остается актуальной и требующей осмысления в историко-правовом и моральном аспектах [17]. Здесь ученый обратил внимание на крайне неблагоприятно сформулированную для российско-украинской (в скобках заметим и белорусской) стороны XI ст. Рижского мирного договора с Польшей, принятую, по мнению докладчика «лишь под шум Кронштадтского

⁹ В этой связи заметим, что В. И. Пичета не преувеличивал, говоря о себе как архивном специалисте, на своих плечах вынесшем Первый архивный съезд Белоруссии (именно так, съездом, а не конференцией, считал он этот форум белорусских архивистов) [15, л. 124].

¹⁰ Имеются в виду его замечания относительно допущенной архивом военного ведомства оплошности, проявившейся в сдаче на макулатуру послужных списков офицеров с времен царствования Петра I, а также рекрутских списков, представлявших, по его мнению, «особый интерес при изучении уменьшения или увеличения человеческого роста» [3, с. 17].

мятежа». Она, как и аналогичные «архивные» статьи Российско-Литовского (12 июля 1920 г.) и Российско-Латвийского (11 августа 1920 г.) договоров, напрямую затрагивала интересы белорусских архивов. «Статья XI редактируется так, — комментировал В. И. Пичета, — что все архивы польских территорий, не вызывающие никаких сомнений, должны быть возвращены; и если статья на точный смысл выполнения этих договоров, то многие архивы, имеющие ценность для Белоруссии, придется отдать Польше, Литве и Латвии» [3, с. 34].

Как известно, согласно ст. XI Рижского договора передаче польской стороне подлежали не только документы явно польского происхождения (как, например, Коронная метрика), но и архивы, связанные своим происхождением с уступленными Польше западнобелорусскими и западноукраинскими территориями. В числе последних была и значительная часть Литовской метрики, на которую заявляла свои претензии Польша. С другой стороны, отмечал Пичета, на Метрику претендовала и Литва. Тем не менее,

заверил участников конференции ученый, при современных условиях выдача Метрики не произойдет. Его выступление вызвало оживленное обсуждение на конференции и принятие соответствующей резолюции, в которой говорилось, что «прымаючы пад увагу вялікаю значнасьць Літоўскай метрыкі як асноўнага грунтоўнага гістарычнага матэр'ялу, застаўшагася ад мінулых часоў Беларускай дзяржавы, без якога не магчымы навуковыя высьляды мінулага Беларусі, а гэтаксама значнасьць другіх беларускіх каштоўных матэр'ялаў, на якія пратандавалі і пратандуюць занава ўтварыўшыся дзяржавы, нарада архіўных працаўнікоў БССР знаходзіць патрэбным даручыць Цэнтрархіву БССР звярнуцца ў ЦВК Беларусі з прапазыцыяй прыняць самыя энергічныя крокі перад ЦВК СССР аб недапушчэнні вывазу беларускіх архіўных матэр'ялаў з тэрыторыі СССР у Польшчу, Латвію, Літву і др. дзяржавы і прыняць меры аб звароце на Беларусь архіўных матэр'ялаў, якія былі вывезены з Беларусі ў дарэвалюцыйны час і ў часы розных акупацый» [3, с. 52]. Сам же докладчик, как зафиксировал протокол заседания конференции, заслужил благодарность ее участников «за адстаіваньне беларускіх архіваў».

Не менее важным, но, к сожалению, до сих пор недостаточно оцененным современной белорусской историографией архивоведения и архивного дела является доклад В. И. Пичеты о пересмотре архивного законодательства Беларуси, содержание которого в значительной мере перекликается с его же докладом о разборе архивов, проведении экспертизы ценности составляющих их документов. По существу в них были сформулированы основные перспективные направления развития белорусского архивного законодательства, опиравшегося на опыт и традиции российского и зарубежного архивоведения. Важнейшими среди них являлись установление так называемых запретных лет, ранее которых не допускалось проведение экспертизы ценности архивных материалов (по аналогии с РСФСР Пичета предлагал таковым считать 1819 г., но после обсуждения срок был продлен до эпохи буржуазных реформ), введение запрета на уничтожение ведомствами без проверки Центрархивом каких бы то ни было документов и материалов, определение сроков ведомственного хранения архивных материалов до их передачи на государственное хранение, введение контроля со стороны архивных учреждений за текущим делопроизводством в учреждениях и организациях, *предоставление права публикации архивных материалов исключительно Центрархиву или с его разрешения*¹¹ [выделено автором. — М. Ш.].

¹¹ В связи с этим пунктом современный российский исследователь отмечает, что был подготовлен проект постановления Президиума ВЦИК «О введении в действие Положения о порядке издания архивных материалов» и соответствующее положительное заключение Наркомюста от 18 августа 1923 г., в котором предполагалось сосредоточить в руках управления Центрархивом РСФСР исключительное право выдачи разрешений на издание архивных материалов», однако он не указывает, был ли принят этот проект [4 с. 391]. В Беларуси подобных решений на этот счет не принималось.

¹² В числе первых Б. Р. Брежго называл всеобщую историю, историю Беларуси с историографией, историческую географию, историю государственных учреждений, историю белорусского языка и литературы; среди вторых это были архивоведение, дипломатика, палеография, сфрагистика, геральдика, метрология, генеалогия, библиотековедение и др. [см.: 3, с. 117].

Доклад В. И. Пичеты о подготовке архивных работников характеризовал докладчика не только как практика-архивиста, владеющего теорией архивоведения, педагога-администратора, возглавляющего ведущий вуз республики, но одновременно и как реалиста, вынужденного с учетом объективных условий «наступать на горло собственной песне». И совершенно не случайно, что именно его точка зрения относительно механизма подготовки кадров для архивных учреждений Беларуси получила

поддержку у участников конференции, хотя позиции его оппонента, в недавнем прошлом руководителя Витебского отделения Московского археологического института, заведующего Витебским губернским архивным бюро Б. Р. Брежго, выступавшего с аналогичным докладом, и выглядели более привлекательными. Дело в том, что Брежго, опираясь на западноевропейский и российский опыт подготовки архивистов, а также учитывая экономические трудности, переживаемые союзным государством, считал целесообразным открыть при Белгосуниверситете Археологический институт с двумя отделениями — археологическим и археографическим, на которых и должны были готовиться специалисты для работы в белорусских архивах. По его мнению, это было бы более экономным, нежели создание самостоятельного археологического института, от чего отказалась даже Россия, закрыв в 1922 г. ранее существовавшие Петроградский и Московский археологические институты и создав археологические отделения при университетах в Петрограде и Москве. Трудно не согласиться (даже сегодня) с приводимыми Брежго обоснованиями необходимости владения будущими специалистами с высшим архивным образованием общеисторическими и специальноисторическими научными знаниями¹².

Но послушаем В. И. Пичету, тем более, что его доклад предшествовал выступлению его оппонента и он, в отличие от Брежго, был более осведомлен о борьбе вокруг системы подготовки архивных кадров, которая велась между «представителями науки архивоведения» и «красными архивистами». В докладе ключевую роль играет начальная фраза (нам остается полагаться на точность ее воспроизведения стенографисткой, поскольку авторским текстом доклада мы не располагаем, да его, очевидно, и не существовало), свидетельствующая о том, что В. И. Пичета в отличие от своих российских архивных начальников, и прежде всего М. Н. Покровского, В. В. Адоратского и М. С. Ольминского и других «красных архивистов», разделял идею публичности и доступности архивов. «Нам, — говорил он, — нужны высокоподготовленные архивные работники, но, с другой стороны, мы не должны забывать, что *архивное дело должно быть хорошо знакомо гражданству* [выделено автором. — М. Ш.]» [3, с. 42].

Далее будет уместным напомнить, что, приняв участие в работе I Всероссийской конференции архивных деятелей (сентябрь — октябрь 1921 г.) и выступив на ней с докладом, В. И. Пичета затем был включен в числе 12 профессоров и преподавателей архивных курсов при Петроградском, Московском археологических институтах и соответствующих петроградских и московских вузов в состав специальной комиссии по разработке проекта организации Архивно-археографического института в Москве, призванного расширить деятельность пока еще существовавшего Петроградского археологического института (инициатива созда-

ния Архивно-археографического института исходила от академика М. К. Любавского). В результате было разработано два проекта подготовки специалистов с высшим образованием для работы в архивных учреждениях, которые были отвергнуты М. Н. Покровским. Последний отрицал необходимость научного характера подготовки специалистов, предлагая исключить из программы общеисторические дисциплины, оставив только специальные. Покровский исходил из того, что для архивного дела достаточно подготовить небольшое число руководителей и рядовых архивариусов, причем первые, по его мнению, могли «рекрутироваться» из числа историков с высшим образованием с последующим прохождением ими архивной специализации. Главное, считал он, необходимо срочно заменить весь состав заведующих архивами лицами с «классово-партийной выдержанностью». Для рядовых же архивных работников, по его мнению, было достаточно и «наших примитивных архивных курсов». Тем самым

исключалась сама идея создания специального высшего учебного заведения для подготовки архивистов-исследователей [4, с. 407—409].

Безусловно, все это прекрасно знал В. И. Пичета, не проводя, тем не менее, в жизнь идеи «большевистского Аракчеева», как именовал М. Н. Покровского его коллега и современник Ю. В. Готье, на белорусской архивной конференции. Познакомив участников конференции с проектом создания при Центрархиве РСФСР Археографического института, в котором предполагалось иметь русское, белорусское и украинское отделения для подготовки кадров архивистов и археографов, В. И. Пичета отметил, что он был отставлен ввиду голода в Поволжье. С учетом этой ситуации докладчик считал наиболее реальным вести подготовку кадров архивистов через организацию краткосрочных трехмесячных курсов, которые бы имели «задание ознакомить слушателей с теорией архивоведения, историей Белоруссии, центральных и провинциальных учреждений, текущим делопроизводством, славяно-белорусской и латинопольской палеографией, что должно сопровождаться чтением рукописей» [3, с. 42—43]. В качестве дополнительного варианта подготовки архивистов В. И. Пичета считал также целесообразным введение курсов по архивоведению в высших учебных заведениях.

Выступившие в прениях по докладам В. И. Пичеты и Б. Р. Брежго зав. Могилевским губернским архивом Д. И. Довгялло, зав. Центрархивом Беларуси Д. Ф. Жилунович и его заместитель М. В. Мелешко и др. приняли сторону первого докладчика, предложив не только организовать краткосрочные архивные курсы, но и создать на педагогическом факультете БГУ кафедру архивоведения. Это нашло отражение в принятой по данному вопросу резолюции конференции. К сожалению, как покажет время, эти предложения В. И. Пичеты в части подготовки архивистов, поддержанные участниками архивной конференции, остались нереализованными и подготовку архивистов Беларуси возьмет на себя российский Центрархив, принимая на организованные им курсы посланцев из братской республики. Правда, идея подготовки архивных работников в самой республике через организацию всевозможных курсов, кружков, семинаров, не будет совершенно отставлена; попытки ее осуществления предпринимаются по инициативе и с участием приехавшего летом 1925 г. в Беларусь профессора М. В. Довнар-Запольского, а также переехавшего в это же время из Могилева в Минск Д. И. Довгялло [18, с. 114]. Особенно они активизировались после принятия Президиумом ЦИК СССР решения о возвращении в Беларусь из России находившихся там старых белорусских архивов. Здесь будет уместным сослаться на разработанный Д. И. Довгялло и читавшийся в течение 1926/27 учебного года на социальном отделении педагогического факультета БГУ специальный курс «Источниковедение истории Беларуси», в котором 6 и 7 лекции носили явно архивоведческий характер: «Архівы і іх каштоўнасць для гісторыі» и «Літоўская метрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі» [19, с. 94—95]. Анализ структуры и содержания догьяллового курса явственно указывает на то, что его автор испытал на себе влияние изданной в 1922 г. книги В. И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)».

¹³ Добрые отношения между В. И. Пичетой и Д. И. Довгялло не прекращались даже тогда, когда последний был арестован в 1937 г. и выслан в Чимкентскую область (подробнее об этом см. нашу публикацию: «Искренне любящий Вас Старик» (письмо Д. И. Довгялло В. И. Пичете) // Архивы и делопроизводство. 2003. № 6. С. 91—93).

¹⁴ В числе подлежащих реституции книжных собраний белорусского происхождения в резолюции указывалась и библиотека гр. Хрептовича-Бутенева, вывезенная из Щорсов в Киев, за которой в 1924 г. уже ездил, но, как оказалось, неудачно, ректор БГУ В. И. Пичета.

Заметим, что и сам В. И. Пичета придавал очень важное значение данному курсу и негативно реагировал в связи с его ликвидацией. Так, в письме от 11 июня 1928 г. в адрес Наркомпроса республики он утверждал: «Кожны студэнт, які скончыў педфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі. Кожнаму студэнту з гэтымі пытаннямі трэба сустракацца ў часы сваёй працы, і было б вельмі дзіўна, каб студэнты вывучалі гісторыю культуры сваёй краіны і ў той жа час не ведалі, на падставе якіх крыніц, матэрыялаў можна склацаць гісторыю народа і якім тэмам, у якім напрамку ішло вывучэнне Беларусі... Скасаванне гэтага курса толькі сведчыць аб тым, што тут маецца незнаёмства з самаю сутнасцю курса і яго метадалагічным і практычным значэннем. Калі ў сучасны момант дзяржаўны ўрад выдае розныя законы адносна архіўнай справы і студэнтам ў сваёй практычнай працы прыходзіцца сустракацца з гэтымі пытаннямі, то, мне здаецца, яны амаль што не могуць быць добрымі працаўнікамі, калі яны па гэтым пытанні не будуць мець элементарных ведаў» [20, с. 278—279]. Автор письма также брал под защиту и Д. И. Довгялло, с которым его связывала совместная работа в архивных органах и учреждениях РСФСР начиная с 1918 г., считая его «выдатным спецыялістам..., які з'яўляецца, згодна сваім навуковым ведам, аздобаю універсітэта, і аслабаненне яго ад заняткаў было б вельмі шкодным» [20, с. 282]¹³.

Насыщенным архивно-археографическими событиями в научной биографии В. И. Пичеты стал 1926 г. В начале года состоялся созванный по инициативе Инбелкульта Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, обсудивший ряд важных вопросов археологии, археографии, архивного, библиотечного, музейного дела. Центральное место в работе съезда занимали проблемы реституционного характера [21]. Так, по докладу Д. И. Довгялло «Літоўская метрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі» была принята резолюция о необходимости оставления Метрики в пределах СССР и скорейшего ее перевода в БССР, «на што ёсць прынцыповая згода належных устаноў РСФСР»; по докладам М. В. Довнар-Запольского «Аб беларускіх архіўных фондах за межамі БССР» — резолюция с пожеланием скорейшего возвращения из России и Польши находившихся в этих странах белорусских архивов. Аналогичные резолюции были приняты по музейным и библиотечным собраниям [22, с. 5—7]¹⁴. Пичета участвовал в работе съезда. Он, наряду с профессорами А. А. Спицыным, М. В. Довнар-Запольским, А. А. Смоличем, И. Л. Дыло и Д. Ф. Жилуновичем, был избран в президиум. Однако его фамилия не значится среди докладчиков, опубликованный протокол не зафиксировал ни одного его выступления в прениях; более того, к участникам съезда при его открытии обращался от имени БГУ не ректор, а доцент В. Д. Дружич, приветствовавший желание Инбелкульта «сабраць крыніцы, падлічыць вынікі зробленага, пачаць планавую працу ў археалогіі і разам з гэтым высветліць, дзе знаходзяцца архіўныя весткі». Объяснение этому кроется в очень непростых отношениях, которые сложились между В. И. Пичетой и приехавшим летом 1925 г. в Минск М. В. Довнар-Запольским, пытавшимся, по мнению Пичеты, занять его пост ректора в университете.

Свое «пассивное» участие в работе съезда 1926 г. В. И. Пичета объяснял следующим образом: « Так, по инициативе Довнар-Запольского был созван съезд архивистов и археографов Белоруссии. Я получил повестку на организационное собрание по поводу этого съезда лишь только тогда, когда уже был самый съезд, и я узнал об этом на другой день из газет, где

я очутился в составе президиума. Деятели Инбелкульта совершенно сознательно меня не уведомили с тем, чтобы я как архивный специалист, два года тому назад на своих плечах вынесший первоархивный съезд Белоруссии, где я прочел 7 [sic! — М. Ш.] докладов, не решился выступить с докладом на этом съезде. Все доклады были в руках Довнар-Запольского и отдельных белорусских деятелей» [15, л. 124].

С вынужденным отъездом из Беларуси М. В. Довнар-Запольского, выступавшего в качестве своеобразного эксперта по проблемам реституции белорусских архивов (он, как известно, являлся заместителем председателя комиссии по реэвакуации из РСФСР белорусских архивов, созданной решением Наркомпроса республики 5 октября 1925 г.), правительство Беларуси обращается к В. И. Пичете не только как историку, но и как специалисту-архивисту, знатоку белорусско-польских и белорусско-литовских архивных отношений. И опять в центре внимания находится Литовская метрика.

В декабре 1925 г. на состоявшемся съезде польских историков принимается резолюция с требованием передачи Метрики в Польшу. Аналогичное решение принимает и правительство Литвы в ноябре 1926 г., увязывая его с возможным подписанием с СССР пакта о ненападении. Вынужденное реагировать на эти действия Литвы, внешнеполитическое ведомство СССР обращается к правительству Беларуси с просьбой дать свое заключение на этот счет. 10 ноября 1926 г. председатель Совнаркома Беларуси И. А. Адамович направляет в адрес Отдела Прибалтики Наркоминдела СССР письмо следующего содержания: «Совет Народных Комиссаров, заслушав сообщение ректора Белорусского государственного университета тов. Пичеты, постановил: просить Наркоминдел воздержаться от передачи Литве так называемой Лит. метрики ввиду того, что БССР имеет все исторические и практические основания для получения этой Метрики. Уполнаркоминдела тов. Козюро поручено представить Вам подробную докладную записку по этому вопросу. Просьба до получения указанной записки не выносить никаких решений по этому поводу и сообщить свое мнение и что Вы намерены предпринять. Председатель СНК И. Адамович» [23, л. 257].

Дабы снять напряжение в отношениях СССР с Литвой и Польшей из-за спорного комплекса архивных документов, в Минске разрабатывается довольно любопытный документ, намного опередивший свое время. Речь идет о записке Наркомпроса Беларуси в Управление делами Совнаркома республики «Аб Літоўскай мэтрыцы» (записка имеет дату 16 марта; ее нахождение в архивном деле дает основание говорить о 1927 году). Публикуя записку, мы предположили, что автором ее был В. И. Пичета, на что указывает и характерный для него стиль изложения и в некоторых местах буквально совпадающий текст с текстом выступления ученого на Первой всебелорусской архивной конференции [24]. Изложив в первой части записки состав Литовской метрики, ее историю, состояние публикации и изучения ее документов, автор записки переходит к наиболее «сложным» вопросам, обусловленным претензиями на Метрику со стороны Литвы и Польши в соответствии с условиями Московского и Рижского мирных договоров и приходит к следующим выводам в этой части: «Калі Літоўская Рэспубліка ня мае сур'езных фармальных і фактычных падстаў да звароту ёй Літоўскай мэтрыкі, дык зусім ў іншым выглядзе знаходзяцца дачыненні з Польшчай. Згодна Рыскае ўмовы Польшча мае фармальныя падставы на атрыманьне архіву Літоўскай мэтрыкі. У адным з параграфуў Рыскае ўмовы Польшча забяспечыла сабе атрыманьне ўсіх архіваў, якія былі вывезены з Варшавы. З тэй прычыны, што Літоўская мэтрыка некаторы час захоўвалася ў Варшаве і была вывезена Расіяй з Варшавы ў канцы ХЛЛП в., дык фармальна яна мае падставы на атрыманьне Літоўскай мэтрыкі» [24, с. 10].

Что же предлагал автор записки, дабы не допустить конфликта, который мог, по его мнению, возникнуть из-за невыдачи Метрики между СССР, Литвой и Польшей? Ни много ни мало — создать на территории Союза ССР институт по сохранению и изучению Метрики, руководство которым и содержание которого должно было быть возложено на правительства

заинтересованных стран. Институт должен был взять на себя и издание документов Метрики в 100 томах; причем предполагалось делать это дифференцированно: важнейшие

документы политического, экономического и социально-культурного характера публиковать полностью, а документы частно-правового — в форме регест («кароткі змест»). Работу по изданию Метрики планировалось завершить в течение 20 лет, истратив на это полмиллиона рублей.

Выявленный нами в фондах Наркомпроса и Наркомфина Беларуси проект постановления правительства Республики «Аб Літоўскай метрыцы», в целом повторяющий основные положения докладной записки, не может не свидетельствовать о серьезности намерений белорусского руководства, опиравшегося на экспертное заключение без сомнения причастного к попыткам разрешения конфликта, связанного с Метрикой, В. И. Пичеты. Заметим, что в определенном смысле к реализации этой идеи вновь обратились в 1980-е гг., когда между академиями наук СССР и Польши было заключено соглашение о совместном издании документов Метрики [25]. И хотя ни в 1920-е гг., ни в 1980-е эта идея не получила логического завершения, тем не менее понимание важности ее реализации, исходившее в том числе и от такого авторитетного историка, как В. И. Пичета, может сказать о многом как в плане дополнения научного портрета ученого новыми штрихами, так и в плане расширения представлений современных историков о состоянии и уровне развития в Беларуси 1920-х гг. специальных исторических дисциплин, включая такие дисциплины, как археография, источниковедение, архивоведение.

Вынужденное отлучение В. И. Пичеты от научной и педагогической деятельности, последовавшее после его ареста в сентябре 1930 г., тем не менее не вызвало полного прекращения общения ученого с внешним миром. Во время пребывания в ссылке в Вятке, а затем нахождения в Воронеже он поддерживал научные контакты с коллегами историками из Москвы и Минска, даже пытался помогать аспирантам [26]. Тем не менее — ссылка есть ссылка. Уже вернувшись из нее и будучи восстановлен в научных званиях и должностях, ученый не мог спокойно говорить об этих годах. По свидетельству ученицы академика М. Н. Тихомирова Е. В. Чистяковой, собиравшейся после защиты кандидатской диссертации ехать на работу в Воронежский университет, В. И. Пичета «замахал руками, не желая слышать названия этого города: Воронеж был местом его ссылки по «академическому делу» 1930 г. «[27, с. 381].

Своего рода заключительным аккордом в архивно-археографической деятельности В. И. Пичеты стало его участие в решении судьбы Виленского исторического архива, ценнейшим ядром которого, как известно, являлись собрания бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов [28]. Вывоз архива во второй половине октября 1939 г. в Минск (то есть уже после заключения 10 октября 1939 г. «Договора о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимоотношениях между Советским Союзом и Литвой») вызвал ноту Литовской миссии в СССР, 13 декабря 1939 г. направленную в Наркоминдел СССР. В первой ее части напоминалось о имевших место еще в 1914—1915 гг. фактах вывоза в Россию с территории Литвы архивных ценностей, попытках Литовского правительства в 1920-е гг. получить находившуюся в Москве Литовскую метрику, во второй, основной — ставился вопрос о возвращении только что вывезенного архива [29]. И вновь, как и в 1920-е гг., внешнеполитическое ведомство Союза ССР обращается к В. И. Пичете за экспертным заключением в связи с Виленским архивом. На наш взгляд, записку ученого в Отдел Прибалтики НКВД СССР (март 1940 г.) можно рассматривать в качестве такого заключения [30].

В записке ученый показал себя не только как блестящий знаток отношений Великого княжества Литовского с Коронай Польской, а также истории Речи Посполитой и современной ему истории международных отношений в Восточной Европе, но и как глубокий специалист в области архивного дела, архивоведения, и в частности архивного права. Справедливо полагая, что часть составлявших Виленский архив документов была связана своим происхождением с литовской территорией, а потому должна быть возвращена литовской сторо-

¹⁵ В их числе В. И. Пичета называет фонды Управления государственных имуществ Ковенской палаты, Виленской еврейской общины (кагала) и другие архивные комплексы, связанные происхождением с литовской территорией.

не ¹⁵, В. И. Пичета в то же время ставит под сомнение целесообразность передачи Литве, как того требовали авторы ноты, многих других его материалов. «Какое отношение к литовской культуре, — вопрошает он, — имеет архив Константина Павловича, умершего в Витебске и архив которого вместе с остальными документами Витебского архива случайно попал в Вильно? Какое отношение к литовской культуре имеет архив Муравьева, столь важный для изучения политики царизма в отношении крестьянского вопроса, или регистратура Витебского центрального архива, или материалы Следственной комиссии 1831 г. вообще и Минской в частности, увезенные белополяками из Минска, или разные книги, касающиеся Гродно, Минска, Новогрудка, Слонима, Слуцка и др., находящиеся за пределами современной Литвы, или жандармский архив, имеющий внебелорусское значение?» [30, с. 414—415].

В отдельный раздел ученый выделил Литовскую метрику, как архивное собрание, не подлежащее передаче Литве ни при каких обстоятельствах: «Я не говорю о «Литовской метрике», о которой шла речь с литовцами в 1920—1927 гг. и на которую они не имели никаких юридических прав даже на основе июльского Московского договора 1920 г.» [30, с. 416].

Отметим, что данное заключение В. И. Пичеты было принято во внимание при последующем решении вопроса о судьбе Виленского архива. Правда, это происходило уже в условиях изменившейся международной ситуации, когда Литовская республика вошла в состав Союза ССР и вопрос о размежевании фондов Виленского архива рассматривался в рамках уточнения профильной принадлежности тех или иных комплексов, составлявших после лета 1940 г. единый Государственный архивный фонд Союза ССР. На состоявшемся 21 февраля 1941 г. совещании при зам. начальника Главного архивного управления НКВД СССР было принято решение, руководствуясь указанием СНК СССР от 31 января 1941 г. о распределении между государственными архивами документального материала бывшего Виленского архива, передать все материалы бывших Виленского и Витебского архивов древних актов на хранение в Центральный государственный архив феодально-крепостнической эпохи (так назывался будущий Центральный, ныне Российский государственный архив древних актов); что же касается материалов Виленского архива периода Российской империи, то они в соответствии с принципом происхождения подлежали распределению между архивами Литовской и Белорусской ССР. То же самое предполагалось сделать и в отношении фондов учреждений, функционировавших в 1918—1939 гг. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала реализации этого решения, принятого высшим архивным органом Союза ССР.

Подводя итоги, отметим, что архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты, сопровождавшая его научно-исследовательскую, организационно-педагогическую работу, занимает большое место в его научной биографии. Она должна, на наш взгляд, рассматриваться не только как некая вспомогательная (дополнительная) сфера научно-практической деятельности ученого, но как важный фактор его становления как ученого-историка (в начале научного пути) и совершенствования методов научного исследования в зрелом возрасте. Без учета архивно-археографической составляющей невозможна всесторонняя и объективная оценка вклада ученого, который он внес в изучение истории.

1. Славяне в эпоху феодализма: 100-летию со дня рождения В. И. Пичеты. М., 1978; Академик В. И. Пичета. Страницы жизни Мінск : Изд. БГУ, 1981—126 с. ил.; Владимир Иванович Пичета: биобиблиографический указатель. Мінск : Изд. БГУ, 1978. —112 с.; Гісторыя Беларускага дзяржаўна-

га універсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. Мінск : БДУ, 2001. 320 с.; *Яноўскі, А. А.* «Я аддаваў усе сваі сілы будаўніцтву Беларускага дзяржаўнага універсітэта...» / А. А. Яноўскі // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 6. С. 3—10; *Кузьменка, У. І.* Акадэмік У. І. Пічэта: выпрабаванне лёсам / У. І. Кузьменка, В. У. Скалабан // Там же. С. 11 — 18; Нельга кіравацца адным этнаграфічным матэрыялам... / публ. А. Гесь // *Arche* 2001. № 5. С. 419—426; Ліст У. І. Пічэты у Наркамасветы 11 чэрв. 1928 г. / публ. А. Гесь // *Настаўніцкая газета*. 1994. 24 верас.; 3 паказанняў арыштаванага У. І. Пічэты «Мое грамадзянска-політычнае сredo» // Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1921—1941, Мінск : БДУ, 2006. С. 320—327 і др.

2. *Каминский, Н. И.* В. И. Пичета и архивное дело в Белоруссии / Н. И. Каминский, Е. Ф. Шорохов // *Советские архивы*. 1968. № 2. С. 42—44; Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г. : документы и материалы. Мінск : БелНИИДАД, 1999. 148 с.; *Иоффе, Э. Г.* Академик В. И. Пичета и архивы / Э. Г. Иоффе // В кн.: *Архивы на шляху XXI стагоддзя: гісторыя, спадчына, сучаснасць: матэрыялы Другога беларуска-французскага архіўнага семінара*. Мінск, 8—10 лют. 2000 г. / пад рэд. К. І. Козака, У. Н. Сідарцова, М. Ф. Шумейкі. Мінск : НАРБ, 2003. С. 20—24; *Хорхордина, Т. И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди / Т. И. Хорхордина М. : РГГУ. 2003. — 525 с.; *Баранова, А. У. І.* Пічэта і станаўленне архіўнай справы ў Беларусі ў 1920-я гады / А. Баранова // *Архивы і справаводства*. 2007. № 3. С. 90—94; *Шумейка, М. Ф.* У. І. Пічэта / М. Ф. Шумейка // *Архивісты Беларусі: бібліяграфічны даведнік*. Мінск, 2006. С. 175—178.

3. Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г. : документы и материалы. Минск : БелНИИДАД, 1999. 148 с.

4. *Хорхордина, Т. И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. / Т. И. Хорхордина М. : РГГУ. 2003. 525 с.

5. Подробнее см.: *Автократов, В. Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918 гг.) / В. Н. Автократов // *Теоретические проблемы отечественного архивоведения* / В. Н. Автократов. М., 2001. С. 313—393; *Шмидт, С. О.* Археография, архивоведение, памятниковедение: сб. статей / С. О. Шмидт. М. : РГГУ, 1997. 364 с.; *Олигов, А. В.* Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924) / А. В. Олигов // *Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: сб. статей*. М. : МГИАИ, 1980. С. 73—76; *Иванова, Л. В.* Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917—1924 гг. / Л. В. Иванова // *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки*. М. : Наука, 1981. С. 194—203.

6. Архивное дело. 1923. Вып. 1.

7. *Седельников, В. О.* Журнал «Исторический архив» и возникновение советской архивной периодики. 1918—1921 гг. / В. О. Седельников // *Археографический ежегодник за 1979 год*. М. : Наука, 1981. С. 106—120.

8. *Седельников, В. О.* У истоков журнала «Архивное дело» (1921—1925 гг.) / В. О. Седельников // *Археографический ежегодник за 1982 год*. М. : Наука, 1983. С. 139—153.

9. *Документы внешней политики СССР*. М., 1959. Т. 3. С. 629—632, 644—646.

10. См.: *Старостин, Е. В.* Рижский мирный договор 1921 г.: проблемы «архивной реституции» / Е. В. Старостин // *Студії з архівної справи та документознавства / Держкомархів України; УНДІАСД*. Кив, 2003. Т. 9. С. 163—166.

11. З паказанняў арыштаванага У. І. Пічэты «Мое грамадзянска-палітычнае credo» // В кн.: Памяць і слава: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. 1921—1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2006. С. 320—327.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф, 5325 (Главархив СССР). Оп. 9. Д. 223 — Дело о возвращении Польше архивов по мирному договору.
13. Два года работы Российско-Украинской делегации, смешанных Российско-Украинско-Польских реэвакуационной и специальной комиссии по исполнению Рижского мирного договора. М., 1923.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205 (БГУ). Оп. 1. Д. 12 — Протоколы заседания Совета БГУ. Доклад и резолюция опубликованы в кн.: Памяць і слава: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. 1921 — 1941. С. 126—128. Ранее резолюция публікавалася ў 1-м томе Трудов БГУ ў Мінску (Мінск : Госиздат Беларусіі, 1922. С. 209).
15. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Архивно-уголовное дело на В. И. Пичету. № П-65245. Т. 19 — Протоколы допросов В. И. Пичеты.
16. НАРБ. Ф. 249 (Главархив БССР). Оп. 1. Д. 63 — Протоколы заседаний Первой всебелорусской конференции архивных работников и материалы к ним.

17. Подробнее см.: *Цаплин, В. В.* О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России / В. В. Цаплин // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 20—26.; *Шумейко, М. Ф.* Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем / М. Ф. Шумейко. Минск : БелНИИДАД, 1997. 155 с.; *Гернович Т.* Проблема архіўнае рэституцыі ў сучаснаму нацыянальнаму заканадаўстве (Порівняльні аналіз нацыянальных традыцый Білорусі, Расіі, Украіны та Польшы) // Архівы Украіны 2007. № 1—3. С. 86—93.
18. Подробнее см.: *Козак, К. І.* Доўнар-Запольскі і яго роля ў арганізацыі архіўнай справы Беларусі / К. І. Козак // Даследчык гісторыі трох народаў: М. В. Доўнар-Запольскі: зб. навук. арт. і дакументаў. Гомель; Рэчыца : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2000. С. 110—115.
19. *Шумейко, М. Ф.* Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло / М. Ф. Шумейко. Минск : БелНИИДАД, 2002. 165 с.
20. Памяць і слава: Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. 1921—1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2006. 383 с.
21. Подробнее см. нашу статью: Проблемы реституции архивов на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии // Архивы и делопроизводство 2006. № 1. С. 93—99.
22. См.: Працы Першага з'езда даследчыкаў беларускай археалогіі і археографіі. 17—18 студзеня 1926 г. Мінск : Інбелкульт, 1926. 86 с.
23. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мінск : [б. и.], 1999. Т. 2 (1923—1927 гг.) 461 с.
24. *Шумейко, М. Ф.* «Страсти по Метрике»: попытка создания в 1920-е гг. международного института по изучению и публикации Литовской метрики / М. Ф. Шумейко // Беларускае археографічнае штогоднік. Мінск : БелНДДАС, 2003. Вып. 4. С. 3—12.
25. Подробнее см.: *Пашуто, В. Т.* Совместная публикация советских и польских историков / В. Т. Пашуто, А. Л. Хорошкевич // Вопросы истории 1981. №2. С. 158—160; *Бычкова, М.* Литовская Метрика — совместное издание советских и польских историков / М. Е. Бычкова // История СССР. 1981. № 4. С. 214—215; *Wasilewski, T.* Polskoradzkie prace nad wydaniem Metryki Litewskiej / Wasilewski // Kwartalnik historyczny. 1981 № 4. S. 1169—1171.

26. *Батвіннік, М.* Першы рэктар — палітычны зняволены / М. Б. Батвіннік // Голас Радзімы. 1996. 17 кастр. № 42 (2496). С. 1, 5; *Скалабан, В.* Правду лучше говорить на ухо... / В. В. Скалабан, С. Лицкевич // Советская Белоруссия. 2004. 16 июня. С. 4.
27. *Дубровский, А. М.* М. Н. Тихомиров и Е. В. Чистякова: письма Учителю / А. М. Дубровский // Археографический ежегодник за 2005 год. М. : Наука, 2007. С. 380—386.
28. *Шумейко, М. Ф.* Архивы и власть (к истории документальных собраний бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов) / М. Ф. Шумейко // Археографический ежегодник за 1995 год. М. : Наука, 1998. С. 127—139.
29. Нота опубликована в кн.: СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сб. документов. Вильнюс, 2006. Т. 1: СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 гг.). С. 395—397.
30. Опубликовано нами в кн.: Проблемы славяноведения: сб. науч. статей и материалов. Брянск : Изд. БрГУ, 2005. Вып. 7. С. 413—416.

SUMMARY

The article is based on the documents of the All-Belarusian conference of the archive workers (May 1924) in which V. I. Picheta, the first rector of the BSU, took an active part. These materials were published by the author of the article as a separate book in 1999. In the article he observes the activities of V. I. Picheta as an archivist and an archeographer. Also the author analyses the work of the scientist as an expert in the staff of the mixed Polish-Ukrainian committee for the realization of terms of the Riga peace treaty in the part concerning the distribution of the archives between Soviet Russia and Ukraine, from the one side and the Polish Republic from the other. The author also draws previously unknown archive materials, discovered in the archives of Belarus, Russia and Ukraine including the archives of the special services. The studying of the material gives the author the reason to make a conclusion that an archive-archeographic part was taking not only an important place in the scientific-organizational activities of V. I. Picheta, but furthered his growing as a historian scientist, largely enriched the archeography, archive studies, source studies, historiography and the methods of the historian exploration